

ОБ ОГРАНИЧЕНИИ СВОБОДЫ ДОЛЖНИКА В ИСПОЛНИТЕЛЬНОМ ПРОИЗВОДСТВЕ

М. Л. ГАЛЬПЕРИН*

В статье рассматривается вопрос об эффективности применяемых в исполнительном производстве мер ограничения личных прав должника. Низкий уровень фактического исполнения обуславливает попытки ввести новые меры ответственности и иные правоограничения в отношении должника, но формирование мер принуждения в исполнительном производстве не всегда осуществляется на системной основе. Такие меры требуют систематизации и дифференциации, необходимо создать структурированную, теоретически обоснованную, прагматичную систему принуждения в исполнительном производстве. С учетом анализа действующего законодательства и правоприменительной практики, статистических данных, исторического и зарубежного опыта делается вывод о том, что, во-первых, ключевой проблемой целесообразности применения соответствующих мер является проблема определения недобросовестности соответствующего должника, а во-вторых, ограничение свободы должника должно применяться именно как наказание при соблюдении соответствующих правовых гарантий, сопутствующих применению мер ответственности. Недобросовестный должник должен нести публичную ответственность за свои деяния, а ограничение его свободы должно применяться именно как наказание в соответствии с установленной законом процедурой привлечения к ответственности при соблюдении соответствующих гарантий. В том случае, если исполнительное производство будет исходить из презумпции недобросовестности всех без исключения должников, оно само по себе превратится в «квазиуголовное» право, а судебные приставы-исполнители — в полицейских. Меры ответственности, таким образом, будут подменять и вымывать собственно «классические» меры принудительного исполнения, в которых пассивность должника замещается органами принудительного исполнения, передающими за него присужденное взыскателю.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: исполнительное производство, права должника, добросовестность, ответственность, ограничение прав, конституционные основы принудительного исполнения.

Galperin M. L. ON THE DEBTOR'S FREEDOM LIMITATION IN THE ENFORCEMENT PROCEDURE

The article deals with the issue of efficiency of limitations of the debtor's personal rights as applied in the enforcement procedure. The low level of actual enforcement determines new attempts to introduce additional penalties and other similar measures in relation to the debtor. However, formation of enforcement measures is not always executed in a

* Гальперин Михаил Львович — кандидат юридических наук, профессор, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики».

Mikhail L. Galperin — PhD in law, Professor, National Research University Higher School of Economics.

E-mail: mgalperin@hse.ru

© Гальперин М. Л., 2017

УДК 34.037

systematic manner. Such measures are required to be systemized and differentiated. A well-structured, theoretically founded and pragmatic system of execution in the enforcement procedure is to be created. Taking into account the analysis of the legislation and the legal practice, as well as statistical data, historical and foreign experience, the author makes the conclusion that, first, the key problem of efficiency of relevant measures is connected with determining the bad faith of the debtor; second, the limitation of the debtor's freedom should be applied as a penalty subject to the proper legal guarantees associated with the legal liability mechanism. The author points out that the debtor acting in bad faith should be subject to the public liability and the limitation of his/her freedom should be imposed as a penalty according to the procedure established by law taking into account the relevant legal guarantees. If the enforcement procedure considers that all debtors act in bad faith, it will per se shift to "quasi" criminal law, and bailiffs will turn into police officers. Thus, liability measures will substitute "classical" enforcement measures where passive behavior of the debtor is replaced by enforcement authorities which hand the object of enforcement over to the creditor.

KEYWORDS: enforcement procedure, debtor's rights, good faith, liability, limitation of rights, constitutional framework of enforcement.

И в юридической литературе¹, и в СМИ² часто звучат призывы ввести в законодательство новые виды запретов для должников в исполнительном производстве, меры ограничения их личной свободы.

Оправдано ли введение новых ограничений личных прав должника? В каком виде и в каких пределах такие ограничения могут применяться в современном исполнительном производстве?

Прежде чем приступить к поиску ответа на поставленные вопросы, приведем некоторые статистические данные.

Обратившись к ведомственным показателям Федеральной службы судебных приставов России (далее — ФССП), можно отметить постоянный рост количества исполнительных документов³ при стабильно низком проценте фактического исполнения их требований (63,7 % — в 2011 г., 45,4 % — в 2012 г., 41,4 % — в 2013 г., 40,1 % — в 2014 г., 38,6 % — в 2015 г., 41,3 % — в 2016 г., 34,3 % — в I полугодии 2017 г.)⁴. По исполнительным

---

¹ См., напр.: *Парфенчикова А. А.* Временные ограничения права на выезд из Российской Федерации: основные особенности и порядок применения // Административное право и процесс. 2016. № 2. С. 72–73.

² См., напр.: Какие ограничения ждут должников // ZaimRussia: портал о микрозаймах. URL: <https://zaimrussia.ru/articles/kakie-ogranicheniya-zhdut-dolzchnikov> (дата обращения: 27.06.2017).

³ Так, в 2014 г. на основании поступивших для принудительного исполнения исполнительных документов было возбуждено 39,6 млн исполнительных производств, что на 3,7 млн исполнительных производств больше по сравнению с 2013 г. См. об этом: Отчет о выполнении публичной декларации целей и задач, достигнутых ФССП России в 2014 г. URL: http://fssprus.ru/files/fssp/db/files/00infografika/pub_declaracia_otchet_2014_20151261741.pdf (дата обращения: 27.06.2017). — В 2015 г. было возбуждено уже более 45,5 млн исполнительных производств. См. об этом: Ведомственная статистическая отчетность Федеральной службы судебных приставов. URL: <http://fssprus.ru/statistics> (дата обращения: 27.06.2017).

⁴ Основные показатели деятельности ФССП России. URL: <http://fssprus.ru/indicators> (дата обращения: 27.06.2017).

производствам, возбужденным на основании судебных актов, процент исполнения еще ниже общего. В 2016 г. он составлял менее 28 %⁵.

Рассчитать математически влияние различных юридических, экономических и социальных факторов на конкретные показатели принудительного исполнения практически невозможно. Но имеется возможность в целом оценить влияние применения некоторых мер правового принуждения на уровень фактического исполнения. Например, в соответствии с Докладом о результатах деятельности ФССП России в 2015 г.⁶ по итогам 2015 г. отмечалась активизация применения мер уголовно-правового воздействия к должникам. Всего в отчетном периоде территориальными органами ФССП России возбуждено 77,8 тыс. уголовных дел (из них 74,8 тыс. — в отношении лиц, злостно уклоняющихся от уплаты средств на содержание детей или нетрудоспособных родителей), расследовано 74,4 тыс. уголовных дел. Вследствие реализации уголовно-процессуальных полномочий фактически взысканная сумма по оконченным исполнительным производствам составила около 1,2 млрд руб. (менее 0,5 % от общей суммы остатка по исполнительным производствам). Примечательно, что в 2016 г. в территориальных органах ФССП России было возбуждено намного меньше уголовных дел: всего 46,2 тыс., в том числе около 43 тыс. уголовных дел в отношении злостных неплательщиков алиментов. Интересно и то, что, по данным ФССП России, возбуждение в 2016 г. в отношении должников по алиментам 59 тыс. дел об административных правонарушениях, предусмотренных ст. 5.35.1 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ), и 2,7 тыс. уголовных дел по признакам состава преступления, предусмотренного ст. 157 УК РФ, имело своим результатом *дополнительное взыскание* на содержание детей около 64,3 млн руб., т. е. всего 0,04 % от общей суммы задолженности по алиментам в 2016 г. (более 176 млрд руб.)⁷.

В результате установления ограничения на выезд должников из Российской Федерации (ст. 67 Федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве»⁸ (далее — Закон об исполнительном производстве)), по данным ФССП России, в 2015 г. были исполнены требования всего 114,7 тыс. исполнительных документов, а общая взысканная сумма возросла с 12,1 млрд руб. до 15,9 млрд руб.⁹ Одноре-

⁵ Ведомственная статистическая отчетность ФССП. URL: <http://fssprus.ru/statistics> (дата обращения: 27.06.2017).

⁶ Доклад о результатах деятельности ФССП в 2015 г. URL: <http://fssprus.ru/2272490> (дата обращения: 27.06.2017).

⁷ Ведомственная статистическая отчетность ФССП. URL: <http://fssprus.ru/statistics> (дата обращения: 27.06.2017). — По другим данным, за год с момента введения в действие ст. 5.35.1 КоАП РФ в результате применения в отношении должников соответствующих мер административного ответственности ими погашена задолженность по алиментам на сумму более 34 млн руб. См. об этом: О внесении изменений в ст. 27.2 и 27.3 КоАП РФ. URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/104973-7> (дата обращения: 27.06.2017). — Порядок цифр в обоих случаях остается одинаковым.

⁸ СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

⁹ Доклад о результатах деятельности ФССП в 2015 г. URL: <http://fssprus.ru/2272490> (дата обращения: 27.06.2017).

менно общее количество исполнительных производств, находящихся на исполнении в ФССП России в указанный период, составило более 71 млн на сумму более 7 трлн руб.¹⁰ Имея в виду, что в соответствии со ст. 67 Закона об исполнительном производстве применение ограничения на выезд допускается по значительной части исполнительных производств, процент задолженности, взысканной, по данным ФССП России, в результате применения такой меры, составляло в 2015 г. всего около 0,02% от общего размера задолженности (процент меньше статистической погрешности). По данным руководства ФССП России, если, например, в 2009 г. количество лиц, ограниченных в рамках исполнительного производства на выезд за пределы Российской Федерации, составляло порядка 216 тыс. чел., то в 2012 г. — 622 тыс., в 2013 г. — 869 тыс., а в 2014 г. — более 1,2 млн чел. При этом в 2013 г. только 60 тыс. должников, ограниченных на выезд за рубеж, исполнили требования исполнительных документов (из 869 тыс. ограниченных на выезд в указанный период, около 7%), а в 2014 г. — 83 тыс. должников (из более 1,2 млн ограниченных на выезд в указанный период, около 7%)¹¹.

В результате применения временного ограничения на выезд должников из Российской Федерации в 2016 г. (в течение 2016 г. вынесено 2,3 млн таких постановлений), по данным ФССП России, взыскано 30,3 млрд руб.¹², т. е. всего около 0,3 % от общего размера задолженности по исполнительным документам в 2016 г.

Продолжает расти и задолженность по уплате исполнительского сбора (который по смыслу ст. 112 Закона об исполнительном производстве сам по себе представляет денежное взыскание за неисполнение требований исполнительного документа). В 2016 г. невзысканная сумма исполнительского сбора составила более 70 млрд руб. по сравнению с 46 млрд руб. в 2014 г. (в 2014 г. фактически взыскано всего 9 млрд руб. исполнительского сбора, в 2016 г. — около 10,8 млрд руб.)¹³.

---

¹⁰ Ведомственная статистическая отчетность ФССП. URL: <http://fssprus.ru/statistics> (дата обращения: 27.06.2017).

¹¹ *Парфенчиков А. О.* Ограничение прав должника: новеллы законодательства и практика применения // Ограничение прав должника: новеллы законодательства и практика применения: сб. мат-лов 6-й Международной научно-практической конференции, 8–10 сентября 2015 г., г. Улан-Удэ, Республика Бурятия / отв. ред. А. О. Парфенчиков, В. А. Гуреев. М., 2016. С. 19. — Предположим, что в статистике учитываются все исполнительные производства, по которым было осуществлено фактическое исполнение и в рамках которых к должникам была применена мера, предусмотренная ст. 67 Закона об исполнительном производстве. Очевидно, утверждение о том, что в соответствующих исполнительных производствах фактическое исполнение исполнительного документа было осуществлено именно под воздействием применения ограничения на выезд, всегда будет носить характер предположения. Приведенные числа, таким образом, определяют максимальный предел показателя, а не сам показатель.

¹² Итоговый доклад о результатах деятельности ФССП в 2016 г. URL: http://fssprus.ru/files/fssp/db/files/201704/itogovvj_doklad_za_2016_god_2017441647.pdf (дата обращения: 27.06.2017).

¹³ Ведомственная статистическая отчетность ФССП. URL: <http://fssprus.ru/statistics> (дата обращения: 27.06.2017).

Исходя из приведенной статистики, можно сделать вывод о том, что применение целого ряда мер принуждения к должникам в исполнительном производстве (в том числе личных ограничений), несмотря на рост количественных показателей примененных мер, пока не влечет за собой повышения эффективности взыскания, качественных изменений в структуре задолженности по исполнительным производствам, не способно даже сдержать рост ежегодного остатка задолженности по исполнительным документам. Заметим, что указанные тенденции характерны для большинства видов исполнительных документов, прежде всего *судебных актов*, обеспечение исполнения которых является конституционной обязанностью государства.

Несмотря на приведенные показатели, основными законодательными способами повышения эффективности исполнительного производства продолжают оставаться *усиление мер принуждения в отношении должников*, расширение ограничений их имущественных и неимущественных прав и по кругу лиц, ограниченных в правах, и по перечню возможных ограничений¹⁴.

Например, Федеральным законом от 28 ноября 2015 г. № 340-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “Об исполнительном производстве” и отдельные законодательные акты Российской Федерации»¹⁵ в законодательство был введен институт временного ограничения на пользование должником специальным правом (правом на управление транспортным средством). Из Пояснительной записки к соответствующему законопроекту следует, что его разработчики при введении соответствующих мер были вдохновлены опытом применения предусмотренных в 2007 г. в ст. 67 Закона об исполнительном производстве ограничений на выезд должника из Российской Федерации¹⁶. Авторы Пояснительной записки, в частности, указывают на то, что использование временного ограничения права на выезд за пределы Российской Федерации, «очевидно, свидетельствует об эффективности института временных ограничений личных прав должника для целей правильного и своевременного исполнения требований судебных актов». Как было продемонстрировано приведенными выше статистическими данными, такое предположение вытекает лишь из абсолютных, но не относительных показателей. В качестве довода о необходимости расширения перечня ограничений личных прав должников разработчиками указывалось на то, что не всеми должниками используется право на выезд за пределы Российской Федерации, в связи с чем ограничение данного права является эффективной мерой понуждения к исполнению требований исполнительных документов в отношении узкого круга лиц. Возможность ограничения права должника на управление

¹⁴ Парфенчиков А. О. Ограничение прав должника... С. 21–23.

¹⁵ СЗ РФ. 2015. № 48. Ст. 6706 (ч. 1).

¹⁶ Пояснительная записка к проекту Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “Об исполнительном производстве” и отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: [http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/\(Spravka\)?OpenAgent&RN=661379-6](http://asozd.duma.gov.ru/main.nsf/(Spravka)?OpenAgent&RN=661379-6) (дата обращения: 27.06.2017).

транспортным средством и/или судном, по мнению разработчиков законопроекта, будет являться превентивной мерой, мотивирующей должников исполнить требования исполнительных документов в добровольном порядке. Кроме того, по мнению авторов проекта, *привлечение должника к ответственности, предусмотренной КоАП РФ, в этих случаях является малоэффективным*. Отметим, что в Пояснительной записке прогнозировалось применение введенного временного ограничения права должника на управление транспортным средством в отношении порядка 450 тыс. должников.

Принятие закона, вводящего временные ограничения специальных прав, очевидно, не последний шаг на пути постепенного нарастающего принудительного воздействия на должника в исполнительном производстве. Ведется работа над законопроектом, предоставляющим судебному приставу-исполнителю полномочия по установлению запрета на совершение должником юридически значимых действий (регистрационных действий, действий по получению, продлению публичных разрешений и лицензий и иных действий, совершение которых должником влечет за собой возникновение, изменение и прекращение его прав и обязанностей). Другой разрабатываемый законопроект направлен на установление возможности отказа должнику в предоставлении ему государственных услуг. Предполагается, что отказ в предоставлении государственной услуги не будет иметь своим основанием специальное постановление судебного пристава-исполнителя (как в случае с уже предусмотренными законодательством ограничениями специальных прав должника и ограничением права на выезд из Российской Федерации), решение об отказе будет при каждом конкретном обращении должника за государственной услугой принимать соответствующий орган государственной власти при условии нахождения данного лица, обращающегося за государственной услугой, в базе данных должников¹⁷.

Оценивая неуклонное повышение законодателем уровня принудительного воздействия на должника, заметим, что практика конституционного правосудия демонстрирует несколько иные тенденции. Так, еще десять лет назад в Постановлении Конституционного Суда РФ от 12 июля 2007 г. № 10-П «По делу о проверке конституционности положения абз. 3 ч. 1 ст. 446 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с жалобами граждан В. В. Безменова и Н. В. Калабуна»¹⁸ в качестве базовых принципов исполнительного производства были обозначены *преимущественная защита интересов взыскателя, ограничение равенства участников исполнительного производства с учетом необходимости ограничения прав должника*. Это позволило ряду ученых высказать мнение о том, что конституционный баланс интересов взыскателя и должника по частным взысканиям заключается в отношении должника прежде всего в *оставлении*

¹⁷ Парфенчиков А. О. Ограничение прав должника... С. 21–24.

¹⁸ Здесь и далее судебная практика приводится по СПС «КонсультантПлюс». URL: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения: 27.06.2017).

ему минимального уровня существования, способного не оставить его за пределами социальной жизни¹⁹. Но уже в 2016 г. в Постановлении Конституционного Суда РФ от 10 марта 2016 г. № 7-П «По делу о проверке конституционности ч. 1 ст. 21, ч. 2 ст. 22 и ч. 4 ст. 46 Федерального закона “Об исполнительном производстве” в связи с жалобой гражданина М. Л. Ростовцева» речь идет о недопустимости преодоления коллизий законных интересов должника и взыскателя путем предоставления защиты одним правам в нарушение других, нарушения основного содержания конституционных прав должника, недопустимости длительного пребывания должника в состоянии неопределенности относительно своего правового положения, о диспозитивности в процессуальных отношениях в исполнительном производстве, соразмерном распределении экономических рисков, связанных с возможными трудностями в реализации арестованного имущества, между должником и взыскателем, принципе правовой справедливости и даже принципе солидаризма, предполагающем взаимное содействие должника и взыскателя для достижения целей обязательства, учет прав и законных интересов друг друга.

При этом, как свидетельствует отмеченная выше тенденция развития законодательства об исполнительном производстве, некорректно было бы говорить о какой-либо его общей «либерализации», усилении защиты прав должника. Напротив, с учетом остающегося низким уровня фактического исполнения в законодательство и правоприменительную практику активно внедряются новые и все более существенные меры принуждения в отношении должника, вводятся новые меры его ответственности, а уже предусмотренные — имеют тенденцию к ужесточению.

Приведенные выше законодательные меры иллюстрируют и наметившуюся тенденцию все более активного использования мер принуждения личного характера в отношении должника. Как известно, смена парадигмы принудительного исполнения в России (как и в других европейских странах) в XIX в. была обусловлена переходом от мер принудительного исполнения, преимущественно направленных на саму личность должника, к мерам имущественного характера, предусматривающим обращение взыскания на имущество должника помимо его воли специальными должностными лицами, действующими в соответствии с законом²⁰. Трудно не согласиться с тем, что меры, направленные на саму личность должника, возможно, более эффективны, чем меры имущественного характера, что было отмечено при разработке законодательных мер по ограничению личных прав должника. Нет сомнений и в том, что угроза применения ограничений прав должников побудит некоторых из них наконец испол-

---

¹⁹ Ярков В. В. Некоторые принципы гражданского исполнительного права (в связи с постановлением Конституционного Суда России от 12.07.2007 № 10-П и новым Федеральным законом «Об исполнительном производстве») // Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы: сб. мат-лов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Д. Х. Валеев, М. Ю. Чельшев. М., 2009. С. 204–205.

²⁰ Гальперин М. Л. Исполнительное производство: учебник для бакалавриата и магистратуры. М., 2017. С. 55.

нить свои обязательства. Применение личных ограничений, как правило, требует от органов принудительного исполнения меньше временных и материальных затрат на исполнение требований исполнительных документов (при сравнении, например, с необходимостью поиска имущества должника и обращения на него взыскания). Но, как известно, и в уголовном праве смертная казнь — единственное наказание, на 100 % гарантирующее, что осужденный не совершит преступление вновь. Указанное не останавливает многие современные государства от отказа от смертной казни в пользу менее «эффективных» и более затратных видов наказаний.

Усиление принудительного воздействия на должника не может носить произвольный характер. Как и любой правовой институт, ограничения прав, меры принуждения должны оцениваться с точки зрения соблюдения конституционных принципов, пределов применения. Введению новых мер принуждения должен предшествовать тщательный анализ причин неэффективности уже существующих мер.

Невозможно и бесконечно усиливать принудительное воздействие на должника в исполнительном производстве, в том числе применяя к нему все новые меры юридической ответственности. Законодатель и правоприменитель неизбежно столкнутся с *общими конституционными и даже международно-правовыми границами* применения государственного принуждения. Несмотря на то что такие границы в отношении принуждения в исполнительном производстве, *как и общие начала исполнительного производства*, еще находятся в стадии формирования и осмысления (прежде всего посредством эволюционирующих подходов в правовой доктрине, практике высших судов), нельзя утверждать, что таких границ нет вообще, а конституционно значимые цели исполнительного производства оправдывают введение любых мер принуждения к должникам. Например, при конструировании мер уголовного и уголовно-процессуального принуждения в отношении подозреваемых, обвиняемых в совершении преступлений и уже осужденных лиц Конституция, нормы международного права предусматривают целый ряд специальных гарантий прав адресатов соответствующих мер в части их содержания, срока действия, а также порядка и условий, последствий применения, отмены²¹.

С точки зрения практической эффективности существующих ограничений прав должника из приведенных выше статистических данных усматривается явная тенденция ее *падения в долгосрочной перспективе*, особенно с учетом ежегодного роста общего количества исполнительных

²¹ См., напр.: Постановление Конституционного Суда РФ от 14 марта 2002 г. № 6-П «По делу о проверке конституционности ст. 90, 96, 122 и 216 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Путовалова»; Постановление Конституционного Суда РФ от 23 марта 1999 г. № 5-П «По делу о проверке конституционности положений ст. 133, ч. 1 ст. 218 и ст. 220 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами граждан В. К. Борисова, Б. А. Кехмана, В. И. Монастырецкого, Д. И. Фуфлыгина и общества с ограниченной ответственностью «Моноком»; Постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности ст. 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна».

производств. Безусловно, объективными препятствиями к повышению эффективности исполнительного производства посредством расширения перечня мер воздействия на должника (как личных, так и имущественных) являются: сама социально-экономическая структура общества; общее количество лиц, обладающих, например, заграничным паспортом либо водительскими правами; невозможность быстрого улучшения имущественного положения должников с учетом общего состояния экономики. Одним из важнейших факторов недостаточной эффективности действующих институтов принуждения выступает их юридическое несовершенство, часто отсутствие продуманного механизма применения. Введение новых непроработанных мер принуждения к должникам, очевидно, приведет к формированию в обществе необоснованных завышенных ожиданий от механизма исполнительного производства в целом, который, с одной стороны, будет включать в себя значительное количество мер, существенно ограничивающих права, а с другой — оставаться неэффективным с точки зрения реальных количественных и качественных показателей. Заметим, что от адекватной оценки всеми субъектами эффективности исполнительного производства зависит не только, например, готовность предпринимателей предоставлять денежные средства в долг, определение условий кредитных соглашений, но и в целом уровень уверенности участников гражданского оборота в исполнении взаимных обязательств в том виде, в котором они закреплены законом или договором, правильная оценка рисков собственного поведения и поведения контрагентов, прогнозирование успешности тех или иных бизнес-проектов.

В современном государстве любое ограничение прав должно иметь не абстрактную, но совершенно конкретную, верифицируемую, общественно значимую и полезную цель. Как справедливо отметил Конституционный Суд РФ, при допустимости ограничения того или иного права в соответствии с конституционно одобряемыми целями государство должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные этими целями меры; публичные интересы могут оправдывать правовые ограничения прав и свобод, только если такие ограничения *адекватны социально необходимому результату; цели одной только рациональной организации деятельности органов власти не могут служить основанием для ограничения прав и свобод*²². Постоянное усиление государством принудительного воздействия, затрагивающего сотни тысяч людей (вспомним приведенные выше данные о потенциальном круге лиц, в отношении которых может быть применено ограничение специальных прав) без видимого благоприятного эффекта таких мер для системы социально-экономических отношений, неизбежно снижает их легитимность в глазах общества, в целом негативно влияет на восприятие закона, уважение судебной власти, оценку эффективности государства, даже несмотря на деклариру-

---

²² Постановление Конституционного Суда РФ от 18 февраля 2000 г. № 3-П «По делу о проверке конституционности п. 2 ст. 5 Федерального закона “О прокуратуре Российской Федерации” в связи с жалобой гражданина Б. А. Кехмана».

емую значимую общую цель подобных ограничений (обеспечение права на судебную защиту, правильное и своевременное исполнение требований исполнительных документов).

Мы далеки от того, чтобы выдвинуть тезис о необходимости усиления защиты прав должника в *ущерб* интересам кредитора, целям исполнительного производства. Любое лицо может сегодня быть должником, а завтра — уже оказаться в роли взыскателя в исполнительном производстве. Должник после вступления вынесенного в отношении него судебного акта в законную силу и государством, и обществом *должен признаваться лицом, игнорирующим свои обязательства*. Но это не означает, что к нему могут быть применены непродуманные и недифференцированные меры принуждения. Такие меры, во-первых, не будут соответствовать основным началам правовой системы, положениям Конституции, во-вторых, что не менее важно в сфере именно исполнительного производства, будут неэффективны, не способны обеспечить достижение целей правового регулирования, заставить конкретного должника действительно исполнить свое обязательство. Миллионы неисправных должников могут быть разделены на самые различные категории, как в зависимости от уровня дохода, способностей к его поддержанию и наращиванию, семейных и иных условий, так и по психологическому отношению к неисполнению требований исполнительного документа, причинам их игнорирования. Следовательно, одни меры принуждения, эффективные в отношении определенной категории должников, будут совершенно неэффективны или, напротив, чрезмерны в отношении другой как по объективным (например, отсутствие у должника какого-либо имущества в связи с асоциальным образом жизни), так и субъективным (например, отсутствие желания и необходимости выезжать за рубеж, отношение к исполнительному документу как нелегитимному) причинам.

Этап активного введения в законодательство и апробации новых мер принуждения рано или поздно должен завершиться их систематизацией и дифференциацией, созданием структурированной, теоретически обоснованной системы принуждения в исполнительном производстве, обеспечением конституционного баланса прав и законных интересов всех субъектов соответствующих отношений. Предположим, что именно такой подход позволит обеспечить уровень эффективности исполнительного производства, соответствующий его миссии в правовой системе. В противном случае *количество* установленных законом мер принуждения никогда не перейдет в *качество* их применения²³.

Уже отмеченная тенденция развития мер принуждения (прежде всего исполнительных действий) в исполнительном производстве заключается в усилении воздействия на личность должника не только требований исполнительных документов, которые объективно не могут быть оперативно исполнены без участия самого должника (требования неимуществен-

---

²³ Гальперин М. Л. О «самостоятельной» ответственности в исполнительном производстве? // Право: журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. С. 222.

ного характера), но и обычных имущественных требований (например, ч. 2 ст. 67.1 Закона об исполнительном производстве). Причем такие меры принуждения по содержанию никак не связаны с предметом исполнения, что сближает их с мерами ответственности, а не с мерами обеспечительного характера. Соответствующие исполнительные действия, воздействуя на психику должника, понуждая его помимо своей воли лично совершить определенные действия, в правоприменительной практике подменяют собой меры принудительного исполнения, совершаемые судебным приставом-исполнителем, поскольку *a priori* предполагаются более эффективными, чем обычное для исполнительного производства обращение взыскания на имущество должника без его непосредственного участия. Как было продемонстрировано статистическими данными, эффективность таких мер далеко не всегда подтверждается на практике.

Еще в XVI в. в России формировалась лестница взысканий, под которой понимается последовательность применения способов принудительного исполнения. Она была создана для того, чтобы по возможности «щадить должника и не разорять его напрасно». Анализ законодательных актов показывает, что требовалось сначала обратить взыскание на движимое имущество, при его недостатке или отсутствии — на недвижимое (если отсутствовали ограничения на подобное действие) и только потом — на личность должника²⁴. Личное задержание неисправного должника было закреплено в первой версии Устава гражданского судопроизводства 1864 г. (далее — УГС), однако скоро Указом Правительствующему сенату от 7 марта 1879 г. было исключено из гражданского процессуального законодательства. В первоначальной редакции гл. VIII разд. V кн. 2 Устава гражданского судопроизводства личное задержание применялось на основании определения суда исключительно по заявлению взыскателя (ст. 1223 УГС), при наличии задолженности на сумму более 100 руб.²⁵ (ст. 1227 УГС). Продолжительность задержания исчислялась исходя из суммы долга, составляла от шести месяцев до пяти лет (ст. 1234 УГС), а возможность предъявления взыскателем исполнительного листа по определению суда о задержании должника была ограничена шестимесячным сроком давности, после истечения которого определение теряло свою силу (ст. 1235 УГС).

При принятии положений о личном задержании предполагалось, что «хотя личное задержание за долги и рассматривается обыкновенно *не как наказание*, а как мера принуждения должника к платежу, тем не менее эта мера есть все же та самая, которая определяется по уголовным законам как *наказание за вину*. Лишение свободы в «благоустроенном» обществе относится во всяком случае к *видам наказания*, и применение такой меры

²⁴ Захаров В. В. Способы принудительного исполнения в русском праве XI — начала XX века: преемственность и инновации // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2007. № 2. С. 3.

²⁵ По очень приблизительной оценке сумма, сопоставимая с сегодняшними 70 000 рублей (Сколько стоит золотой рубль 1913 года на наши деньги? URL: <http://www.izbrannoe.com/news/eto-interesno/skolko-stoit-zolotoy-rubl-1913-goda-na-nashi-dengi> (дата обращения: 27.06.2017)).

всегда предполагает вину со стороны лица, к которому она применяется. Кроме того, если капиталист необдуманно раздает свои капиталы всякому без разбора, то закон не должен поощрять его к неосторожным действиям, обещая принять все возможные меры к возврату розданных им сумм, не исключая даже и принуждения должника к платежу посредством личного задержания. При всякой почти несостоятельности часть вины должна быть отнесена и на самих займодавцев, которые за исключением лишь случаев несостоятельности злостной, могут быть не без оснований обвиняемы или в небрежности, или в том, что для извлечения неумеренных выгод давали деньги неблагонадежному лицу, или же обременяли заемщика большим процентом, не удостоверившись в возможности возврата долга»²⁶.

Приведенная выше цитата из комментария к УГС как никогда актуальна и сегодня, спустя более 150 лет. И в современном исполнительном производстве важно обеспечить ответственность обеих сторон (и должника, и взыскателя) за свои действия или бездействие, справедливо распределить между ними риск неисполнения соответствующего обязательства. Мы сталкиваемся с рекламой услуг по предоставлению займов под чрезвычайно высокие проценты, но с минимальным объемом предоставляемых заемщиком документов, без проверки его состоятельности. Каждый кредитор (особенно профессиональный, например финансовая организация) должен оценивать риски неисполнения должником своих обязательств уже в момент заключения договора. Сегодня любое неисполненное надлежащим образом обязательство влечет за собой возможность обращения кредитора в суд и впоследствии в органы принудительного исполнения. Государство объективно не может и не должно защищать интересы лица, которое, не оценив платежеспособность контрагента, вступает с ним в отношения, рискует расходовать бюджетные средства на осуществление миллионов заведомо безнадежных взысканий и в итоге проигрывает²⁷.

Ключевой для понимания правовой природы личного задержания должника по УГС является ст. 1237, в соответствии с которой кредитор, приступив к личному задержанию должника, не вправе обратиться к другим способам взыскания присужденной суммы, и *по окончании сроков заключения должник считается свободным от того долга*, по которому был лишен свободы. Отбытие личного задержания представляло собой замену основного способа исполнения, соответственно (как завершение осуществления меры принудительного исполнения в современном понимании) само по себе являлось основанием для завершения исполнительного производства и в том случае, если должник не уплатил сполна взысканное и издержки по исполнению решения (ст. 1256 УГС). Анализируя норму ст. 1237 УГС, исторические предпосылки ее принятия, комментаторы УГС исходили из того, что ранее существовавший в русском праве институт *правежа*²⁸, с одной

²⁶ Судебные уставы 20 ноября 1864 г., с изложением рассуждений, на коих они основаны. Изданные Государственной Канцелярией. Ч. 1. СПб., 1866. С. 562–563.

²⁷ Гальперин М. Л. Исполнительное производство... С. 63.

²⁸ Со времени Соборного уложения если ответчик не уплачивал истцу присужденной суммы, то его «ставили на правеж». У каждого обвиненного стоял по его сторону

стороны, имел своей целью «помучить» должника, пока тот не заплатит долг, с другой — был ограничен лишь месячным сроком с учетом того, что «если в месяц ничего вымучить не можно, то и в год бьючи уже не доправить». В гражданском судопроизводстве *не наказание играет важную роль*, но вспомогательные средства к действительному выполнению обязательства²⁹. Также указывалось, что «личное задержание в том размере, как оно допускается по строгости своей, *равняется наказаниям*, определенным за важные уголовные преступления, и поэтому едва ли можно усиливать его еще предоставлением взыскателю права преследовать должника, который по его ходатайству уже подвергся личному взысканию, *превосходящему по своей тяжести всякого рода имущественную ответственность*. Такой порядок был бы лишен всякой справедливости и предоставлял бы кредитору слишком широкое право в отношении его должника, которому он добровольно вверил свои деньги и который весьма часто может оказаться несостоятельным к уплате долга вследствие несчастных и непредвиденных им обстоятельств. Коль скоро человек был лишен свободы в течение продолжительного времени и не уплатил свой долг, выкупив свободу, то предположение о сокрытии им своих средств (которое и должно быть единственным основанием применения личного задержания) теряет уже свою силу и вместо него является уже основательное убеждение, что он лишен всякой возможности удовлетворить своего кредитора»³⁰.

Г. Ф. Шершеневич в начале XX в. в своем известном курсе торгового права, оценивая эффективность личного ареста должника в процедуре несостоятельности, задавался вопросом о том, какое значение может иметь арест должника. Очевидно, он *не имеет значения наказания*, потому что наказание определяется за преступление или проступок, а несостоятельность сама по себе, независимо от обстоятельств, сопровождающих ее и обнаруживающих злую волю или грубую неосторожность, не содержит ничего преступного. Следовательно, арест составляет меру предохранительную, преграждающую должнику возможность скрыться и уклониться от показаний. Добросовестный должник сам останется и откровенно раскроет положение своих дел, между тем как нечестного должника арест не принудит дать показаний. Не достигая цели как предохранительная мера, арест является формой наказания, которая может коснуться и добросовестного должника³¹.

пристав и бил должника прутом. Правеж прекращался истечением срока правежа, сделкой между истцом и ответчиком, уплатой иска за ответчика кем-либо посторонним. Когда у ответчика не было имущества на оплату иска, тогда приступали к последнему, крайнему средству удовлетворения истцов и кредиторов: самого ответчика *лично отдавали истцу на отработку долга* (Гражданский процесс: хрестоматия / под ред. М. К. Треушникова. М., 2005. С. 672–673).

²⁹ Судебные уставы... Ч. 1. С. 571–572.

³⁰ Там же. С. 573.

³¹ *Шершеневич Г. Ф.* Курс торгового права: в 4 т. Т. IV. Торговый процесс. Конкурсный процесс. URL: http://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1040.html (дата обращения: 27.06.2017).

Вспомним также предложение некоторых современных авторов ограничить избирательное право должника даже не в процедуре несостоятельности, а еще в исполнительном производстве³². По обоснованному мнению Г. Ф. Шершеневича, ограничения публичных прав должника, например права быть избираемым в представители, на известные общественные должности, «вызываются предположением, что человек, разоривший собственное хозяйство, не заслуживает общественного доверия. Но едва ли можно оправдать такое недоверие. Закон, устанавливая известные условия, которым должны удовлетворять избиратели и избираемые, имеет в виду степень их политического образования, подготовленность к обсуждению и решению общественных задач. При чем же тут расстройство частного хозяйства? Такое ограничение вполне уместно относительно лиц, признанных судом как злостные или даже неосторожные банкроты, но только по определению свойства несостоятельности, а не по объявлении несостоятельности. Указанное сохраняет силу и в отношении других публичных прав. Ввиду приведенных соображений следует отвергнуть необходимость каких-либо личных ограничений в правах должника до определения свойства несостоятельности, руководствуясь при этом не чувством гуманности и сострадания к должнику, но целесообразностью установленных мер»³³.

Примерно в то же время, что и Г. Ф. Шершеневич, выдающийся до-революционный цивилист И. А. Покровский, оценивая историческую эволюцию обязательства, приходит к выводу о том, что «примитивное обязательство мыслилось как некоторая чисто личная связь между кредитором и должником, в силу которой последний является ответственным, “обреченным” первому. Быть должником в древнейшем праве значило во всех случаях одинаково быть “обреченным” власти, произволу кредитора. В частности, имущественная сторона обязательства (если вообще дело шло об имуществе) не проступала наружу: разница в сумме долга не оказывала никакого влияния на юридические последствия неисправности; неуплата большой или малой суммы влекла за собой одинаково полное поступление должника во власть кредитора со всеми ее вышеупомянутыми атрибутами. Идея имущественного взыскания была вообще чужда этой стадии обязательственных отношений: овладение личностью должника при неисправности отнюдь не было только средством для понуждения его к исполнению; оно было самостоятельным осуществлением той личной “обреченности”, которая составляла основное содержание всякого обязательства того времени.

Дальнейшее развитие обязательственных отношений идет у разных народов разными путями, но общее направление этого развития заключается в постепенном ослаблении, а затем и полном уничтожении личной ответственности должника. Сначала запрещается убийство должника или продажа его в чужие руки; затем рабство у кредитора превращается в про-

³² Кузнецов В. Ф. Система исполнительного производства (вопросы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2004. С. 140–141.

³³ Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права. Т. IV.

стю долговую кабалу, длянущую только до отработки долга, или личное задержание, имеющее своей целью побудить должника или его близких к покрытию долга. Но и в том, и в другом смысле личная ответственность чем далее, тем более утрачивает реальное значение и вступает в коллизию с развивающимся чувством личной свободы. Частное задержание кредитором заменяется долговыми тюрьмами и приобретает характер некоторого наказания за неисправность. Наконец и эти последние исчезают, и тюремное заключение сохраняется только в виде обыкновенного уголовного наказания не за неисполнение как таковое, а за известные виды банкротства (злостное банкротство). Вместе с тем обязательство должно было, конечно, самым решительным образом изменить свой характер; в самое его понятие стало вкладываться иное содержание. Личность должника исчезает за его имуществом, и если еще сохраняет значение, то почти лишь как центр, вокруг которого стягивается подлежащее ответственности имущество. Обязательство связывает не волю должника, а только обязывает его имущество. Долг есть только уменьшение его имущества, а не его свободы»³⁴.

Неэффективность личного задержания в российском гражданском судопроизводстве, опыт иностранных законодательств повлекли его замену в УГС новым средством принуждения — отобранием подписки о невыезде и вызов должника для указания средств для удовлетворения взыскания, в том числе если взыскатель не указывал способов исполнения решения или если имущества, на которое было обращено взыскание, оказалось недостаточно для покрытия долга³⁵.

Отметим, что предметом взыскания в *советском исполнительном производстве* могло быть только имущество должника, но не его личность; это отмечалось советскими процессуалистами в качестве разительного отличия советского права от права дореволюционного (предусматривавшего на определенном этапе личное задержание должника) и от права «буржуазных» государств (Англия, Германия)³⁶.

По нашему мнению, отход от личного воздействия на должника, от ограничений его личных прав, свободы, как следует из приведенных выше мнений дореволюционных юристов, связан не столько с развитием концепции прав человека (тем более что основополагающие права человека включают в себя как право на личную неприкосновенность должника, так и право взыскателя на правосудие), сколько с обнаружившейся неэффективностью применения таких мер по большей части производств. Огра-

³⁴ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_28.html (дата обращения: 25.06.2017).

³⁵ По мнению В. В. Захарова, особенностями отечественной истории института способов принудительного исполнения являлись: длительность перехода от личных к имущественным взысканиям; «тормозящее» воздействие отечественных социокультурных факторов; долгий переход от традиционной к рыночной экономике, при которой взыскателя интересовало реальное возмещение ущерба, в наибольшей степени достигавшееся посредством обращения взыскания на имущество, а не на личность должника (Захаров В. В. Способы принудительного исполнения... С. 8–9).

³⁶ Гражданский процесс: учебник / под ред. А. Ф. Клеймана. М., 1940. С. 286–287.

нижение личной свободы должника в целях понудить его самостоятельно исполнить денежное требование связано со значительными потерями не только для должника, но и для государства. Недаром по УГС содержание должника во время личного задержания ложилось на взыскателя (ст. 1239 УГС), который должен был предоставлять «кормовые деньги» не менее чем за один месяц вперед (ст. 1240 УГС). Указанное, очевидно, стало одной из причин постепенного отказа самих взыскателей от соответствующих требований. Кроме того, широкое применение личных ограничений, как уже отмечалось, создает у кредиторов (потенциальных взыскателей) иллюзию того, что они могут не проявлять должной осмотрительности при выборе контрагента, с учетом того, что государство в любом случае применит к должнику строгие меры личного воздействия в случае неисполнения последним обязательства. Указанное, в свою очередь, влечет за собой рост количества заведомо неисполнимых требований, поступающих на принудительное исполнение, которые возлагаются на плечи судебных приставов. Ограничение личной свободы должника в качестве меры косвенного принуждения для возврата «частного» долга также в той или иной степени ограничивает возможность для него участвовать в гражданском обороте (особенно, если он заключен под стражу), в том числе самостоятельно увеличивать свою имущественную массу для возврата долга.

Как стало ясно из исторического опыта применения личного задержания к должникам, ключевой проблемой целесообразности применения соответствующей меры стала проблема определения недобросовестности (злостности) соответствующего должника. Личные ограничения эффективны лишь по отношению к тем должникам, которые обладают необходимым имуществом (имеют возможность исполнить требование исполнительного документа), но по различным причинам *умышленно уклоняются* от исполнения. К тем должникам, которые объективно не могут исполнить требование исполнительного документа, личные ограничения не могут применяться (тем более если они фактически носят бессрочный характер, как ограничения на выезд за рубеж и ограничения специальных прав по Закону об исполнительном производстве). Такие ограничения часто не побуждают должника исполнить требование, а возбуждают у него чувство несправедливости происходящего, снижают уровень доверия к закону и суду. Исторический опыт однозначно указывает на необходимость *дифференцированного применения мер принуждения в отношении добросовестных и недобросовестных должников*, обеспечения баланса интересов должника и кредитора. Кроме того, как мы видели, исследователи дореволюционного права отмечали сходство некоторых мер косвенного принуждения в исполнительном производстве с полноценными мерами наказания за преступления, установленными в уголовном праве.

Личное заключение и иные меры воздействия на неисправного должника по гражданским делам сегодня существуют в праве некоторых стран мира. Например, в Англии неисполнение предписания суда совершить определенное действие или воздержаться от него после предупреждения может влечь за собой тюремное заключение на основании решения суда,

но не за нарушение интересов кредитора, а за *неуважение к суду*, т. е. как публично-правовой проступок. В судебном разбирательстве о помещении должника под стражу подлежит применению *такой же стандарт доказывания, как и в уголовном процессе при назначении наказания за преступление*. Целью суда при применении такой меры является обеспечение исполнения установленной обязанности, а не только лишь наказание неподчинения. Тюремное заключение за «неуважение к суду» назначается на срок до двух лет (лицо может быть досрочно освобождено судом). Если должник, помещенный под стражу, продолжает выражать решимость не исполнять судебный акт, он все равно должен быть освобожден, как только будет установлено, что он был в достаточной мере наказан и дальнейшее содержание в тюрьме не будет иметь эффекта в части понуждения должника к исполнению предписания суда³⁷.

В США также существует институт *civil coercive contempt*, предполагающий право суда вынести определение, «побуждающее» должника выполнить судебное предписание в рамках гражданского дела, посредством наложения штрафа либо заключения под стражу в случае «неуважения к суду». Такое определение не должно иметь целью наказание, является именно побуждением для исполнения судебного акта; образно говоря, лицо, помещенное под стражу, «имеет ключи от камеры в своем кармане» (т. е. будет освобождено, как только выполнит соответствующее предписание). В рамках судебного разбирательства о применении штрафа или заключения под стражу лица, уклоняющегося от исполнения судебного акта, в ряде случаев применяются процессуальные гарантии, аналогичные тем, которые имеет подсудимый в уголовном процессе³⁸. Например, в деле *Mine Workers v. Bagwell*³⁹ Верховный Суд США высказал мнение о том, что штраф в случае неуважения к суду (в рассматриваемом деле — неисполнение профсоюзом определения суда о запрете забастовки) может применяться только при соблюдении конституционных гарантий для привлечения к уголовной ответственности (в том числе право на рассмотрение дела судом присяжных). Суд указал, что большинство санкций за неуважение к суду имеют своей целью как наказание, так и побуждение к исполнению судебного акта, и фундаментальное отличие «гражданского» и «уголовного» «неуважения к суду» заключается в том, какие надлежащие процессуальные гарантии (*due process*) должны применяться при наложении соответствующей конкретной санкции. В рассматриваемом случае санкции не носили компенсационный характер, установлены в значительном размере, кроме того, для установления всех обстоятельств нарушения предписания суда необходимо полноценное независимое исследование доказательств, что требует проведения «уголовного» процесса с судом присяжных. Суд в рассматриваемом случае квалифицирует действие (бездействие) должника в качестве уголовного преступления, исходя не из формального за-

³⁷ O'Hare & Browne: *Civil Litigation*. 13th ed. London, 2007. P. 633–634.

³⁸ *Hasen R. L. Remedies. Examples & Explanations*. New York, 2007. P. 213–215.

³⁹ *United Mine Workers of America v. Bagwell*, 512 U. S. 821 (1994).

крепления того или иного состава правонарушения в соответствующем законодательном акте, а прежде всего из необходимости предоставления адресату применяемых мер правовых гарантий при их наложении, аналогичных уголовно-процессуальным гарантиям, обеспечивающим самый высокий уровень правовой защиты.

Классический механизм исполнительного производства не предназначен для полноценного противодействия заведомо недобросовестному должнику, имеет объективные пределы применения, границы эффективности. Как было отмечено в одном из судебных решений, в силу ст. 10 Гражданского кодекса РФ установленные меры принудительного исполнения, а равно исполнительные действия исходят из гражданско-правового принципа добросовестности участников гражданского оборота. При этом механизма преодоления недобросовестного поведения должника законодательство об исполнительном производстве не содержит⁴⁰. Недобросовестный должник должен нести публичную ответственность за свои деяния, а *ограничение его свободы должно применяться именно как наказание в соответствии с установленной законом процедурой привлечения к ответственности при соблюдении соответствующих гарантий*. Если мы будем исходить в исполнительном производстве из презумпции недобросовестности всех без исключения должников, исполнительное производство само по себе превратится в «квазиуголовное» право, а судебные приставы-исполнители — в полицейских. Такие меры будут подменять и вымывать собственно меры принудительного исполнения, в которых пассивность должника замещается органами принудительного исполнения, передающими за него присужденное взыскателю.

Нельзя забывать и о том, что исполнительное производство в целом *не наказание должника* за неисполнение обязанности, а стадия, процедура ее реализации, процесс принудительного осуществления субъективного права взыскателя в отношении неисправного должника.

Литература

Гальперин М. Л. Исполнительное производство: учебник для бакалавриата и магистратуры. М.: Юрайт, 2017. 231 с.

Гальперин М. Л. О «самостоятельной» ответственности в исполнительном производстве? // Право: журнал Высшей школы экономики. 2015. № 2. С. 202–225.

Гражданский процесс: учебник / под ред. А. Ф. Клеймана. М.: Юридическое издательство Народного комиссариата юстиции СССР, 1940. С. 286–287.

Ерохов И. Сколько стоит золотой рубль 1913 года на наши деньги // Клуб «Избранное» (Izbrannoe.com). URL: <http://www.izbrannoe.com/news/eto-interesno/skolko-stoit-zolotoy-rubl-1913-goda-na-nashi-dengi> (дата обращения: 20.06.2017).

Захаров В. В. Способы принудительного исполнения в русском праве XI — начала XX века: преемственность и инновации // Ученые записки: электронный научный журнал Курского государственного университета. 2007. № 2. С. 1–10.

⁴⁰ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 20 марта 2017 г. № 33а-3600/2017.

Какие ограничения ждут должников // Портал о микрозаймах ZaimRussia. URL: <https://zaimrussia.ru/articles/kakie-ogranicheniya-zhdut-dolzhnikov> (дата обращения: 27.06.2017).

Кузнецов В. Ф. Система исполнительного производства (вопросы теории и практики): дис. ... д-ра юрид. наук. Челябинск, 2004. 333 с.

Парфенчиков А. О. Ограничение прав должника: новеллы законодательства и практика применения // Ограничение прав должника: новеллы законодательства и практика применения: сб. мат-лов 6-й Международной научно-практической конференции, 8–10 сентября 2015 г., г. Улан-Удэ, Республика Бурятия / отв. ред. А. О. Парфенчиков, В. А. Гуреев. М.: Статут, 2016. С. 17–27.

Парфенчикова А. А. Временные ограничения права на выезд из Российской Федерации: основные особенности и порядок применения // Административное право и процесс. 2016. № 2. С. 72–76.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. URL: http://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_28.html (дата обращения: 25.06.2017).

Треушников М. К. Гражданский процесс: хрестоматия. М.: Городец, 2005. С. 672–673.

Шершеневич Г. Ф. Курс торгового права: в 4 т. Т. IV. Торговый процесс. Конкурсный процесс. URL: http://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1040.html (дата обращения: 27.06.2017).

Ярков В. В. Некоторые принципы гражданского исполнительного права (в связи с постановлением Конституционного Суда России от 12.07.2007 № 10-П и новым Федеральным законом «Об исполнительном производстве») // Исполнительное производство: процессуальная природа и цивилистические основы: сб. мат-лов Всероссийской научно-практической конференции / отв. ред. Д. Х. Валеев, М. Ю. Чельшев. М.: Статут, 2009. С. 204–205.

Hasen R. L. Remedies. Examples & Explanations. New York: Wolters Kluwer, 2007. 439 p.

O’Hare & Browne: Civil Litigation. 13th ed. London: Sweet and Maxwell, 2007. 896 p.

References

Erokhov I. Skol’ko stoit zolotoi rubl’ 1913 goda na nashi den’gi [How much is the gold rouble of 1913 for our money]. Klub «Izbrannoe» (*Izbrannoe.com*). Available at: <http://www.izbrannoe.com/news/eto-interesno/skolko-stoit-zolotoy-rubl-1913-goda-na-nashi-dengi> (accessed: 20.06.2017). (In Russian)

Gal’perin M. L. *Ispolnitel’noe proizvodstvo: uchebnik dlia bakalavriata i magistratury* [Enforcement proceedings. Textbook for undergraduate and graduate programs]. Moscow, YuRight Publ., 2017. 231 p. (In Russian)

Gal’perin M. L. O «samostoiatel’noi» otvetstvennosti v ispolnitel’nom proizvodstve? [On “independent” responsibility in enforcement proceedings]. *Pravo: zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* [Law. Journal of Higher School of Economics], 2015, no. 2, pp. 202–225. (In Russian)

Grazhdanskii protsess: uchebnik [Civil procedure. Tutorial]. Ed. by A. F. Kleynman. Moscow, Iuridicheskoe izdatel’stvo Narodnogo komissariata iustitsii SSSR, 1940, pp. 286–287. (In Russian)

Hasen R. L. Remedies. Examples & Explanations. New York, Wolters Kluwer, 2007. 439 p.

Kakie ogranicheniia zhdut dolzhnikov [What are the limitations debtors’ are waiting for]. Portal o mikrozmakh ZaimRussia [The portal of microloans “ZaimRussia”]. Avail-

able at: <https://zaimrussia.ru/articles/kakie-ogranicheniya-zhdut-dolzhnikov> (accessed: 27.06.2017). (In Russian)

Kuznetsov V. F. *Sistema ispolnitel'nogo proizvodstva (voprosy teorii i praktiki)*. Dis. d-ra iurid. nauk [The system of enforcement proceedings (theory and practice)]. Thesis. Dr. Sc. of law]. Chelyabinsk, 2004. 333 p. (In Russian)

O'Hare & Browne: *Civil Litigation*. 13th ed. London, Sweet and Maxwell, 2007. 896 p.

Parfenchikov A. O. [Limitation of debtor's rights: novels of law and practice]. *Ogranichenie prav dolzhnika: novelly zakonodatel'stva i praktika primeneniia: sb. mat-lov 6-i Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii, 8–10 sentiabria 2015 g., g. Ulan-Ude, Respublika Buriatiia* [Limitation of debtor's rights: novels of law and practice. Collection of materials of international scientific-practical conference]. Eds A. O. Parfenchikov, V. A. Gureev. Moscow, Statut Publ., 2016, pp. 17–27. (In Russian)

Parfenchikova A. A. *Vremennye ogranicheniia prava na vyezd iz Rossiiskoi Federatsii: osnovnye osobennosti i poriadok primeneniia* [Temporary restrictions on departure from the Russian Federation: main features and procedure for application]. *Administrativnoe pravo i protsess* [Administrative law and process], 2016, no. 2, pp. 72–76. (In Russian)

Pokrovskiy I. A. *Osnovnye problemy grazhdanskogo prava* [The main issues of the civil law]. Available at: http://civil.consultant.ru/elib/books/23/page_28.html (accessed: 25.06.2017). (In Russian)

Shershenevich G. F. *Kurs torgovogo prava: v 4 t. T. IV. Torgovyi protsess. Konkursnyi protsess* [The course of the commercial law. In 4 vols. Vol. IV. Sales process. The bankruptcy process]. Available at: http://library.brstu.ru/static/bd/klassika_ros_civilizac/Elib/1040.html (accessed: 27.06.2017). (In Russian)

Treushnikova M. K. *Grazhdanskii protsess: khrestomatiia* [Civil procedure: the compilation]. Moscow, Gorodets Publ., 2005, pp. 672–673. (In Russian)

Yarkov V. V. [Several principles of civil enforcement (in connection with the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation from 12.07.2007 N 10-P and the new Federal law "On enforcement proceedings")]. *Ispolnitel'noe proizvodstvo: protsessual'naia priroda i tsivilisticheskie osnovy: sb. mat-lov Vserossiiskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii* [Executive proceedings: procedural nature and civil basis: materials of Russian scientific-practical conference]. Eds D. Kh. Valeev, M. Y. Chelyshev. Moscow, Statut Publ., 2009, pp. 204–205. (In Russian)

Zakharov V. V. *Sposoby prinuditel'nogo ispolneniia v Russkom prave XI — nachala XX veka: preemstvennost' i innovatsii* [Ways of compulsory enforcement in Russian law in XI — beginning of the XX century: continuity and innovations]. *Uchenye zapiski: elektronnyi nauchnyi zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta* [Scientific Notes. Electronic scientific journal of the Kursk State University], 2007, no. 2, pp. 1–10. (In Russian)